

Praesens Historicum или Dramatic Present? К вопросу о терминологическом обозначении и прагматике презенсных форм в переводном нарративе

Анастасия Уржа

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет, к. 962, 119991, Москва, aourja@gmail.com

Аннотация. Отправной точкой исследования становится сопоставление терминов, конкурирующих в современном отечественном и зарубежном научном дискурсе с “*praesens historicum*”, в том числе обозначений “*dramatic present*” и “*you-are-there-illusion*”. Изучение оппозиций, предлагаемых учеными, и трактовок настоящего исторического, идущих «от грамматики» и «от текста», приводит к выбору нового ракурса изучения данного явления: не в контрасте с грамматическим окружением, а в функциональном единстве с элементами, ориентированными на общий прагматический эффект «погружения» читателя в хронотоп происходящего. Среди таких элементов – дейктические показатели, лексика с перцептивной семантикой и другие средства репродуктивного регистра, эмотивные и оценочные слова, повышающие субъективизацию повествования и выводящие описываемые события на первый план. Показательным материалом для практических наблюдений за функционированием презенсных нарративных форм и их «спутников» являются варианты русского перевода одного и того же повествовательного текста с английского языка, где *praesens historicum* используется не так широко. Последовательное предпочтение русским переводчиком форм настоящего исторического, а не прошедшего нарративного сопровождается выбором целого ряда вышеперечисленных семантико-грамматических средств, поддерживающих эффект «драматизации» повествования.

Ключевые слова: настоящее историческое, функция, прагматика, художественный перевод, сопоставительный анализ.

Введение

Термин *praesens historicum* может по праву считаться одним из наиболее универсальных в лингвистическом описании текстов на европейских языках. Грамматика, стилистика, поэтика и нарратология широко используют его применительно к произведениям разных веков, от античности до новейшего времени. Тем не менее достаточно давней является и дискуссия о внутренней форме этого термина, о его многозначности. Противопоставляя настоящее время прошедшему в повествовании о прошлом, выделяя разнообразие подтипы настоящего исторического, акцентируя тот или иной контекст его употребления, ученые предлагали и продолжают предлагать конкурирующие названия для этого феномена.

Русская научная традиция представляет целый ряд вариантов альтернативного обозначения *praesens historicum*, эксплицирующих либо его композиционную функцию, либо стратегию повествователя, либо способ воздействия на адресата. Так, А. М. Пешковский, отмечая, что «настоящее историческое» – это «старинное название, объясняющееся частостью этой замены (настоящее вместо прошедшего – А. У.) у античных историков», подчеркивал, что «вернее было бы назвать его настоящим «рассказа» или настоящим «живописным» (Пешковский, 1927). В «Грамматике русского языка» 1954 г. используется термин «настоящее повествовательное» (АН СССР, 1954), который считает более удачным Е. В. Падучева, в свою очередь предлагающая вариант «настоящее нарративное»: «нарративное употребление настоящего времени часто называют настоящим историческим, поскольку это настоящее время, которое используется в повествовании о прошлом» (Падучева, 1996). Словари лингвистических терминов дают в качестве варианта термина названия «настоящее описательное», см., напр. (Розенталь, 1976), или даже «воображаемый» или «представляемый» презенс (www.krugosvet.ru).

В свою очередь, в западноевропейских грамматиках наиболее популярным «конкурентом» для *praesens historicum* (или, по-английски, *historic(al) present*) является термин *dramatic present* – «настоящее драматическое». И если некоторые ученые не видят принципиального различия между двумя обозначениями (например: ‘in linguistics and rhetoric, the historical present (also called dramatic present or narrative present) refers to the employment of the present tense when narrating past events’ (Huddleston, Pullum, 2002), то другие, напротив, подчеркивают специфику каждого из них (подробнее см. ниже), применяя термин *dramatic present* в том числе и к русским текстам (Chvany, 1990). По мере изучения настоящего исторического варианты его обозначения образуют в работах ученых оппозиции, выстраиваются в классификации, сложность которых указывает на то, что роль настоящего исторического в текстах многогранна. Цель статьи – соотнести существующие термины, и в первую очередь – *praesens historicum* и *dramatic present* – в функциональном плане с учетом специфических и инвариантных свойств настоящего исторического

и близких к нему явлений, соотнести значения, «транслируемые» внутренней формой терминов, с прагматикой презенсных форм в нарративе и охарактеризовать особенности языкового окружения таких форм в русских переводных текстах.

Исследования *praesens historicum* «от грамматики» и «от текста». Прагматическая роль настоящего исторического в нарративе

Направления исследования *praesens historicum* можно условно описать как идущие «от грамматики», от системных языковых механизмов данной транспозиции – к спектру типов ее употребления, и, наоборот, идущие «от текста», сфокусированные на общем композиционном, (в различных научных парадигмах – поэтическом, стилистическом), прагматическом эффекте этого явления.

В рамках первого подхода, вне зависимости от трактовки *praesens historicum* как относительного или переносного употребления формы времени, в первую очередь акцентируется именно «несоответствие» формы контексту: «С точки зрения грамматики важно то, что контекст указывает на прошлое, а грамматическая форма – на настоящее. Средством актуализации прошлого является сама грамматическая форма настоящего времени. Грамматическое значение этой формы в данном употреблении сохраняется, однако в результате столкновения с контекстом грамматическое значение настоящего в данных условиях выступает в особом, переносном варианте: действие лишь изображается так, как будто оно настоящее, – на самом же деле оно относится к прошлому» (Бондарко, 1971). Термин «переносное употребление» (транспозиция) подчеркивает именно «расхождение между временным значением глагольной формы и темпоральностью контекста» (Бондарко, 1971). Д. Н. Шмелев, предлагая трактовку настоящего исторического как относительного употребления формы настоящего времени, приводит примеры типа *И вот началась вьюга <...> Вокруг все кипит точно в котле* (Горький. Варенька Олесова), и отмечает, что «относительное значение формы, то есть прикрепленность к объективному прошедшему, опирается на ее сочетание с формами грамматического прошедшего» (Шмелев, 1960).

Лексическое и грамматическое окружение настоящего исторического до сих пор изучается именно в плане «контраста» с глагольной формой: «Прагматическая информация формы настоящего исторического распределяется между различными языковыми средствами и выражается такими периферийными средствами, как несовпадение временных показателей формы и контекста... Механизм взаимодействия двух противоположных по значению временных указателей до сих пор не описывался. Мы считаем, что взаимодействие формы и контекста обусловлено действием закона «обязательного грамматического плеоназма» по Ш. Балли, со-

гласно которому значение должно быть повторено в синтагме не менее двух раз... мы считаем, что во взаимодействии формы и контекста играет роль дублирование семы «прошлое», которая как основная сема представлена в глагольной форме или темпоральном наречии и которая как сема потенциальная (сема определенности) актуализируется в результате транспозиции у глагольной формы настоящего времени» (Иванов, 2001).

Однако стремясь к универсальным наблюдениям над грамматическими условиями употребления настоящего исторического, над языковой природой его «относительности», ученые абстрагируются от идеи контраста изучаемой формы и ее окружения и обращаются к идее выбора точки отсчета для настоящего исторического в созданном контексте: «Настоящее историческое (нарративное) можно трактовать как относительное употребление формы времени: форма настоящего времени в этом употреблении соотносит ситуацию не с моментом речи, как в исходном, речевом значении, а с некоторым моментом, фиксированным в контексте. При интродуктивном употреблении настоящего исторического сама форма задает тот временной момент, который используется для последующих отсылок. Что касается «цепочки» форм настоящего исторического, то в этом контексте временная отнесенность определяется видовым значением формы – процессным или событийным; процессное значение дает одновременность, событийное – последовательность» (Падучева, 2010).

К идее сопряжения «точки отсчета» и «точки зрения» стремятся и исследования специфической текстовой роли *praesens historicum* в литературном повествовании. Разнообразные трактовки этой роли, предложенные в грамматике, поэтике, стилистике, традиционно сводят к двум основным: «в одних... учитывается компонент «говорящий говорит о прошлом таким образом, чтобы оно как бы предстало перед глазами слушающего»; в других – компонент «говорящий как бы сам переносится в прошлое» (Иванов, 2001).

Сопоставим примеры использования обозначенных подходов в «Поэтике композиции» Б. А. Успенского и «Семантике нарратива» Е. В. Падучевой: «...каждый раз, когда употребляется глагольная форма настоящего времени, имеет место синхронная авторская позиция, т.е. *автор находится как бы в том же времени, что и описываемый персонаж* (курсив мой – А. У.)» (Успенский, 1970); Ср.: «Отличие формы настоящего от прошедшего касается не перспектив, в которой повествователь рассматривает ситуацию..., а отношения между повествователем и читателем (курсив мой – А. У.): настоящее время как бы включает читателя в диалог, т. е. помещает его в то пространство и время, в котором находится сам повествователь; тогда как прошедшее время отдаляет повествователя – а тем самым и описываемую ситуацию – от читателя (Падучева, 1996).

Второй подход, в отличие от первого, учитывает так называемый «фактор адресата» (Арутюнова, 1981), описывает воздействие формы *praesens historicum* на

читателя, и именно этот ключевой аспект позволяет выявить прагматическую роль настоящего исторического в нарративе: презенсная форма «включает» читателя в хронотоп повествуемых событий, привлекает повышенное внимание адресата к происходящему и помогает произвести на него определенный эмоциональный эффект.

Прагматическое сходство *praesens historicum* с некоторыми типами настоящего неактуального

Определив прагматическую функцию формы *praesens historicum* в нарративе, сопоставим ее с текстовым использованием презенсных форм, которые в грамматике причисляют к «настоящему неактуальному». Традиционно настоящее историческое (как переносное употребление временной формы) противопоставляется настоящему неактуальному, которое входит в круг случаев прямого употребления, хотя и находится «за пределами абстрактного настоящего или в известном смысле нейтрально по отношению к признаку локализованности / не локализованности действия в рамках настоящего» (Бондарко, 1971). Рассмотрим определения и примеры разновидностей настоящего неактуального:

Сценическое настоящее, используемое в ремарках, обозначает действие, «одновременное не с моментом речи, а с одним из моментов «сценического времени»: [Надя] Хотите чаю?... (Генерал хохочет, Клеопатра пожимает плечами) (Бондарко, 1971).

Изобразительное настоящее используется в описании картины, выходящей «за пределы «непосредственного видения», восприятия, и, как художественное обобщение, приобретающей известную независимость от момента речи»: Старый дед, согнувши спину, Чистит вытоптанный ток И поддонную мякину Загребают в уголок (Есенин) (Бондарко, 1971).

Помимо этих двух типов А. В. Бондарко выделяет также **настоящее изложения**, «представленное в киносценариях, либретто, при изложении содержания того или иного документа...», и **настоящее номинации**, то есть «использование форм настоящего времени в заголовках, названиях картин и т.п., выражающих «одновременность по отношению к тому, о чем идет речь в главе»: IV. Горюновы поступают в рабочие на промысла и опять встречаются с полесовищиком» (Бондарко, 1971).

Опираясь на теорию коммуникативных регистров Г. А. Золотовой, отметим важное категориальное отличие первых двух типов от остальных: они представляют репродуктивный, или изобразительный регистр – регистр восприятия (Золотова et al., 1998), и обязательно привлекают языковые средства, моделирующие или имитирующие перцепцию происходящего (тогда как настоящее изложения и настоящее номинации могут быть представлены информативным регистром).

Таким образом, изобразительное и сценическое настоящее более «активно» воздействуют на читателя, не просто сообщая ему информацию, но заставляя его «видеть» происходящее в хронотопе текста. «Неактуальность» здесь оказывается весьма условной – событие не связано с одним конкретным моментом времени, однако оно может восприниматься в различные моменты (каждый раз во время исполнения пьесы, в каждой из ситуаций, изображенных обобщенно и т.п.). Формы настоящего исторического и некоторые случаи использования настоящего неактуального оказываются близкими по своей прагматической функции – вовлечения читателя «в пространство и время» событий произведения.

Historical present vs. dramatic present в Теории формирования первого плана и фона текста (Theory of Grounding)

Воздействующий (порой даже манипулятивный) характер приема использования *praesens historicum* отмечают и труды по стилистике английского языка. Они метко называют его ‘you-are-there illusion’ (Pinker 2007). При этом в отличие от русского повествования, в классическом английском нарративе использование форм настоящего исторического всегда считалось настолько сильным, ярким средством выделения, что авторам рекомендовали воздерживаться от его чрезмерного использования: «*The historical present is one of the boldest of figures and, as is the case with all figures, its overuse makes a style cheap and ridiculous*»¹ (Royster, Thompson, 1919).

Возможно, именно это повышенное внимание к стилистической «выделяющей» роли *praesens historicum* позволило современным американским ученым, разрабатывающим теорию организации первого плана и фона в тексте (Theory of Grounding), отнести эту форму к средствам «выдвижения» информации на первый план повествования и ввести важное терминологическое разграничение между *historical present* и *dramatic present*:

‘Present tense has a foregrounding effect only when contrasted with perfective past. This kind of foregrounding, unusual in written English, is frequent in Slavic folk tales. Such ‘*dramatic presents*’ are analogous to cinematic close-ups: «*Вышел старик на берег и говорит...*», «*Девочка вошла в домик и видит...*». In monoaspectual present tense narration, on the other hand, one gets a purely structural account of events, one that allows narrative device to be avoided. Such ‘*historical present*’ narrative (as in plot summaries) is stylistically as neutral as one can get. It must be distinguished from the dramatic present illustrated above» (Chvany, 1990).

В приведенном фрагменте из работы К. Чвани термин ‘*dramatic present*’ противопоставлен термину ‘*historical present*’². Первый применяется именно к тем

¹ Пер.: «Настоящее историческое – это самый «жирный шрифт», и, как в случае с любым выделением, его чрезмерное использование делает стиль повествования вульгарным и смешным».

² Нередко эти терминологические обозначения используются и как синонимичные: ‘in linguistics and rhetoric, the historical present (also called dramatic present or narrative present) refers to the employment of the present tense when narrating past events’. [Huddleston, Pullum 2002, 129–131].

случаям, где форма настоящего вводится в нарративе по контрасту с окружающими формами прошедшего времени и таким образом выделяет, «выдвигает вперед» (foregrounds) для читателя определенное событие (автор проводит аналогию с крупным планом в кино съемке). Второй ограничивается ситуацией «настоящего изложения» (ср. Бондарко, 1971) и типичен для грамматически гомогенного перечисления событий при пересказе текста, где ни одна из форм настоящего времени не выделена по сравнению с другими. Получается, что ‘dramatic present’ – широкое метафорическое обозначение, связанное не со сценическим настоящим (что можно было бы предположить, исходя из внутренней формы термина), а с эффектом живого вовлечения читателя в происходящее, с «выдвижением» наиболее интересных событий нарратива на первый план для него: ‘More recently, analysts of its use have argued that it functions *not by making an event present, but by marking segments of a narrative, foregrounding events* (that is, signalling that one event is particularly important, relevant to others) and marking a shift to evaluation’³ (Brinton, 1992)

Исследование К. Чвани ориентировано на русскоязычный материал, и термин ‘dramatic present’ она применяет, как видно из примеров, к русским текстам, оговариваясь: этот прием нетипичен для англоязычного повествования. Однако это наблюдение нужно ограничить диахронически. Классическое англоязычное повествование действительно прибегало к настоящему в нарративе как к нечастому и потому особенно яркому приему (Leech, 1971; Brinton, 1992). Однако в последние десятилетия ситуация изменилась: все больше повествовательных, эмоционально насыщенных текстов строится современными англоязычными писателями преимущественно из форм настоящего времени (‘Saturday’ И. Макьюэна, ‘Moon Tiger’ П. Лайвли, ‘Ever after’ Г. Свифта, ‘Behind the Scenes at the Museum’ К. Аткинсон и др.). Фиона Бьерлинг высказывает предположение, что появление большого количества произведений подобного типа объясняется воздействием телевидения: «репортажный презент» заставляет адресата острее пережить увиденное, ощутить себя его участником (Bjorling, 2004). Добавим бурное развитие в последние десятилетия сценарных онлайн-игр с нарративным сюжетом и с возможностью онлайн-комментариев к ним. Таким образом, для английского языка деление на historic present и dramatic present, проведенное К. Чвани, обосновано: первое средство и раньше организовывало повествовательные тексты (изложения, пересказы, биографии), второе на наших глазах из спорадического приема превращается в основу современного эмоционально насыщенного нарратива.

³ Пер.: «В последнее время исследователи настоящего исторического отмечают, что его функция состоит не в том, чтобы представить событие происходящим в данный момент, а в том, чтобы выделить сегмент нарратива, выдвинуть его на первый план».

Средства «драматизации» повествования, сопутствующие *praesens historicum*

Итак, понимая обоснованность введения термина *dramatic present* в английской поэтике, должны ли мы применять его, вслед за зарубежными учеными, к русским текстам с презенсным повествованием? Предполагая отрицательный ответ (в силу описанного выше различия в терминологических традициях), все же попробуем «извлечь пользу» из сопоставления двух терминов с учетом их внутренней формы. Если '*praesens historicum*' отсылает нас к истории, т.е. к нарративу о прошлом, то '*dramatic present*' позволяет обратить внимание на «драматизацию» повествования. Рассмотрим с этой точки зрения известный фрагмент из рассказа М. Зощенко «Аристократка»:

*А встретился я с ней во дворе дома. На собрании. Гляжу, **стоит** этакая фря. Чулочки на ней, зуб золоченый.*

*- Откуда, - **говорю**, - ты, гражданка? Из какого номера?*

*- Я, - **говорит**, - из седьмого.*

*- Пожалуйста, - **говорю**, - живите.*

И сразу как-то она мне ужасно понравилась. Зачастил я к ней. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

*- Да, - **отвечает**, - действует.*

*И сама **кутается** в байковый платок, и ни мур-мур больше. Только глазами **стрижет**. И зуб во рте **блестит**. Походил я к ней месяц - привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.*

*Дальше - больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она **велит** себя под руку принять. Приму ее под руку и **волочусь**, что жука. И чего сказать - **не знаю**, и перед народом совестно.*

Переход от прошедшего нарративного к настоящему историческому в таком повествовании маркируется определенными семантическими признаками:

- 1) актуализируется перцептивный контекст события (задействуется репродуктивный регистр (Золотова et al., 1998), вводятся слова с перцептивной семантикой и дейктические средства, локализующие наблюдателя в хронотопе происходящего);
- 2) повышается эмотивность текста (Шаховский, 2009) за счет использования слов с яркой оценочной семантикой, интенсификаторов, эмотивов и аффективов, средств выражения социальных модусных смыслов;
- 3) возрастает субъективность восприятия события: точка зрения воспринимающего персонажа окрашивает происходящее, отражается его видение

ситуации, используется его фразеология (даже в случае повествования от третьего лица, см. ниже);

- 4) событие выдвигается на «первый план» (foreground) нарратива, привлекая внимание читателя, побуждая его «соприсутствовать» в описываемой ситуации⁴.

Обратим внимание и на то, что использование настоящего исторического сопряжено с драматизацией повествования в прямом смысле слова – именно в этой зоне к нарративу естественным образом подключается диалог персонажей, словно «услышанный» читателем.

Функциональное «окружение» настоящего исторического в русских переводных текстах

Принимая во внимание вышеописанную прагматическую роль настоящего исторического в повествовании о прошлом, обратимся к следующему вопросу: с какими функционально близкими средствами взаимодействует описанная форма? Что в контексте употребления *praesens historicum* не контрастирует с этим элементом, а поддерживает его в воздействии на читателя, приближает адресата к хронотопу повествуемых событий, создает упомянутую выше «иллюзию, что вы там»? Нас будут интересовать не формально или семантически близкие к форме настоящего исторического языковые средства, но лингвистические элементы и приемы, близкие по прагматическому эффекту и порой незаметные «в тени» яркого приема *praesens historicum*.

Показательным материалом для наблюдений такого рода являются варианты русского перевода одного и того же повествовательного текста с другого языка, также позволяющего использование *praesens historicum* в нарративе. Обращаясь к истории возникновения настоящего исторического в переводных текстах, исследователи отмечают: «редкому и несистемному использованию настоящего исторического в переводах древнейшего времени противостоит регулярная эксплуатация этой формы начиная с XIV в. Изменение переводческой стратегии в отношении настоящего исторического, изначально связанное со стремлением к

⁴ Наблюдение Е. В. Падучевой о том, что фраза «Злополучный пассажир сходит с трамвая» не может завершать текст (в отличие от фразы «Злополучный пассажир сошел с трамвая») и потому является фоновой к последующим событиям, не может быть применено к вышеупомянутым текстам в «тотальном настоящем»: там подобная фраза вполне могла бы завершать нарратив. «Фоновость», в соответствии с Theory of Grounding, характерна для несовершенного вида, а не для настоящего времени, поэтому настоящее историческое в контексте нейтрализации видовой оппозиции (Маслов, 1984), оформляет событийную линию нарратива и тяготеет к размещению событий в зоне первого плана текста, дополнительно выделяя их для читателя (Chvany, 1990).

большей формальной точности в передаче оригинала, проходит путь к употреблению этого средства как осознанного переводческого приема» (Пентковская, Уржа, 2013).

К XIX веку формы настоящего исторического и прошедшего нарративного нередко встречаются в переводе одних и тех же фрагментов текстов с западноевропейских языков на русский. Ситуация эта грамматически обусловлена отсутствием жесткого требования согласования времен в гипотаксических контекстах (где у переводчика есть возможность выбрать одну из форм: *я видел, как он плыл / как он плышет*), а также нейтрализацией видового противопоставления в повествовании о прошлом (Маслов, 1984). Особый интерес для нас представляют те ситуации, где в оригинале *praesens historicum* отсутствует: в этом случае регулярное введение переводчиком русских форм настоящего исторического представляет не автоматическую кальку, а осознанный выбор, и прагматический эффект такого выбора может быть оценен на фоне других переводов, предпочитающих формы прошедшего нарративного. Здесь же мы можем наблюдать появление так называемых функциональных «спутников» *praesens historicum*, сопровождающих его использование в русском переводе.

Основываясь на результатах ряда сопоставительных исследований русских переводов англоязычных прозаических произведений (О. Генри, М. Твена, Дж. К. Джерома, П. Трэверс, Р. Брэдбери, Э. Берджеса, Р. Баха, К. С. Льюиса), можно наблюдать, как в зависимости от жанра оригинала и целевой аудитории, на которую ориентирован текст, переводчики оформляют языковое окружение для настоящего исторического, ориентированное на единый прагматический эффект.

В рамках данной статьи мы рассмотрим материал произведений приключенческих жанров, где яркие события разворачиваются в необычных обстоятельствах. Вполне естественным представляется обращение переводчиков, интерпретирующих подобные тексты, к настоящему историческому, создающему возможность для дополнительной драматизации сюжетных коллизий. Сравним два перевода фрагмента с описанием драки мальчишек из повести Марка Твена «Приключения Тома Сойера», выполненные Корнеем Чуковским и Ниной Дарузес:

<p>Mark Twain 'The Adventures of Tom Sawyer'</p> <p>So they stood, each with a foot placed at an angle as a brace, and both shoving with might and main, and glowering at each other with hate. But neither could get an advantage. After struggling till both were hot and flushed, each relaxed his strain with watchful caution <...></p> <p>The new boy took two broad coppers out of his pocket and held them out with derision. Tom struck them to the ground. In an instant both boys were rolling and tumbling in the dirt, gripped together like cats; and for the space of a minute they tugged and tore at each other's hair and clothes, punched and scratched each other's nose, and covered themselves with dust and glory. Presently the confusion took form, and through the fog of battle Tom appeared, seated astride the new boy, and pounding him with his fists. "Holler 'nuff!" said he.</p>	<p>Пер. Н. Дарузес, 1949 г.</p> <p>Каждый стоял, выставив ногу вперед, как опору, толкаясь изо всех сил и с ненавистью глядя на соперника. Однако ни тот, ни другой не мог одолеть. Наконец, разгоряченные борьбой и раскрасневшиеся, они осторожно отступили друг от друга <...></p> <p>Новый мальчик достал из кармана два больших медяка и насмешиливо протянул Тому. Том ударил его по руке, и медяки полетели на землю. В тот же миг оба мальчика покатились в грязь, сцепившись по-кошачьи. Они таскали и рвали друг друга за волосы и за одежду, царапали носы, угощали один другого тумаками – и покрыли себя пылью и славой. Скоро неразбериха прояснилась, и сквозь дым сражения стало видно, что Том оседлал нового мальчика и молотит его кулаками.</p> <p>– Проси пощады! – сказал он.</p> <p>Пер. К. Чуковского, 1950 г.</p> <p>Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперёд под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не даётся ни тому, ни другому. Толкаются они долго. Разгорячённые, красные, они понемногу ослабляют свой натиск, хотя каждый по-прежнему остаётся настороже <...></p> <p>Чужой мальчик вынимает из кармана два больших медяка и с усмешкой протягивает Тому.</p> <p>Том ударяет его по руке, и медяки летят на землю. Через минуту оба мальчика катаются в пыли, сцепившись, как два кота. Они дёргают друг друга за волосы, за куртки, за штаны, они щиплют и царапают друг другу носы, покрывая себя пылью и славой. Наконец неопределённая масса принимает отчётливые очертания, и в дыму сражения становится видно, что Том сидит верхом на враге и молотит его кулаками.</p> <p>– Проси пощады! – требует он.</p>
--	--

Корней Чуковский выбирает для интерпретации всего эпизода (оформленного преимущественно в Past Simple в оригинале) формы настоящего времени, тогда

как Нина Дарузес придерживается прошедшего нарративного. Что побуждает Чуковского к такому решению? Обратим внимание на то, что вся сцена драки представлена в контексте наблюдения и оформлена **в репродуктивном регистре**: здесь задействована лексика с перцептивной семантикой (*hot and flushed* – разгоряченные и покрасневшиеся, *two broad coppers* – два больших медяка, *were rolling and tumbling in the dirt* – покатались в грязь), имена существительные имеют конкретную референцию, глаголы реализуют предикаты с акциональной семантикой. Второй, не менее важной характеристикой данного фрагмента является **субъективизация**: действия представлены с позиции не отстраненного повествователя, а наблюдателя, локализованного в хронотопе происходящего, при этом вариант Чуковского («наконец неопределённая масса принимает отчётливые очертания») представляет более наглядную конкретизацию событий, чем вариант Дарузес («скоро неразбериха прояснилась»). Кроме того, в середине фрагмента Чуковский «подключает» точку зрения самого Тома, героя повести: враждебный мальчик называется не просто «новым» (появившимся впервые и в городке, и на страницах книги), но «чужим» – это определение мог бы дать именно Том. **Дейктические показатели**, использованные в тексте, также ориентированы на точку зрения персонажей: «каждый выставил ногу вперед». Показательно и то, что данный повествовательный фрагмент **соседствует с диалогами**, где звучит прямая речь героев и все ее характеристики представляют видение ситуации «изнутри» события, так называемую **«внутреннюю фокализацию»** по Ж. Женетту («Только перешагни эту черту, я тебя как отлуплю, что своих не узнаешь. – Ну-ка попробуй тронь! – Ты не толкайся, а то как дам! – Ну, погляжу я, как ты мне дашь! Чего же не дерешься? – Давай два цента, отлуплю»).

Все перечисленные характеристики взаимодействуют в описании драки мальчиков: контекст наблюдения и субъективизация естественным образом «подключают» настоящее время к повествованию: модусный смысл «темпоральной локализации» (Шмелева, 1984) «встраивается» в систему остальных модусных смыслов (пространственной локализации, реальной модальности, оценки, персуазивности и т.д.), соответствующих ситуации «нахождения внутри события». Формы настоящего времени способствуют драматизации фрагмента и усиливают впечатление соприсутствия, создаваемое вкрапленными в повествование диалогами.

Решение К. Чуковского не единично и не случайно: на протяжении всего перевода он тяготеет не только к введению форм настоящего исторического, но и к дополнительной субъективизации текста: реализация точки зрения Тома и тети Полли (а не объективного повествователя) отражается в выборе оценочных номинаций («тётка», «старуха» – вместо «тетя Полли» или «пожилая леди», «проклятый мальчишка» вместо «мальчишка» – о Томе), а также дейктических показателей («сейчас» вместо «в тот момент», «здесь» вместо «там»), дополнительных слов с перцептивной семантикой. Настоящее историческое тесно взаимодействует с

репродуктивным регистром речи и создает яркие «картины» событий, выгодно отличающиеся от нарративного изложения в прошедшем времени: читатель становится зрителем, почти участником игр, потасовок, проказ Тома. Чуковский ввел еще одно новшество: он придумал названия для каждой главы романа, оформив многие из них также в настоящем времени (так называемое настоящее номинации (Бондарко, 1971)), например: «Том знакомится с Бекки», «Шайка пиратов поднимает паруса», «Том украдкой посещает родной дом» и т.д.

Итак, формы настоящего времени используются Чуковским в составе целой группы функционально однородных приемов, ориентированных на единый прагматический эффект: приблизить описываемую ситуацию и сознание ее участников к читателю и таким образом сделать повествование более захватывающим. Согласимся, что переводчику это удалось: его вариант более полувека остается популярным у русских читателей, и в первую очередь, среди детей.

Обратимся к другому произведению этого же жанра с похожей судьбой: перевод повести Памелы Трэверс «Мэри Поппинс», выполненный Б. Заходером, до сих пор значительно превосходит по популярности другие переводы этого текста, в частности, вариант М. Литвиновой, который мы используем для сопоставления. Несмотря на то что перевод Заходера принято считать «вольным» (некоторые главы повести опущены), анализ переведенных глав показывает, что это вариант близок к тексту оригинала и может быть сопоставлен с другими переводами повести П. Трэверс (Уржа, 2014а). Заходер, как и Чуковский, вводит формы настоящего исторического в повествование там, где в оригинале использовалось прошедшее время. При этом и у него эта замена сопровождается использованием других вышеупомянутых средств – функциональных спутников настоящего исторического. В приведенных ниже фрагментах Б. Заходер вводит в текст **дополнительные дейктические показатели**, локализуя точку зрения наблюдателя в пространстве – читатель оказывается «сопричастен» взгляду персонажей повести – Джейн и Майкла:

<p><i>P. L. Travers 'Mary Poppins' Presently they saw their Mother coming out of the drawing-room with a visi- tor following her. Jane and Michael could see that the newcomer had shiny black hair- «Rather like a wooden Dutch doll,» whispered Jane.</i></p>	<p>Пер. Б. Заходера, 1968 г. И вот ребята увидели, что их мама выходит из гостиной, а незнакомка идёт за ней. Сверху были видны её гладкие, блестящие чёрные волосы. «Как у деревянной куклы», – шепнула Джейн.</p>
	<p>Пер. М. Литвиновой, 1996 г. Скоро из гостиной вышла мама в сопровождении незнакомой гостьи. У нее были блестящие черные волосы. «Как у куклы-голландочки», – прошептала Джейн.</p>

<p><i>Jane did not reply, for a curious thing was happening to her. As she laughed she felt herself growing lighter and lighter, just as though she were being pumped full of air. It was a curious and delicious feeling and it made her want to laugh all the more. And then suddenly, with a bouncing bounce, she felt herself jumping through the air. Michael, to his astonishment, saw her go soaring up through the room.</i></p>	<p>Джейн не успела ответить, как с ней произошла очень странная вещь. Она вдруг почувствовала, что от смеха она становится всё легче и легче, словно её накачивают воздухом. Это было и странно, и приятно. И её всё больше разбирал смех. И вдруг – гон! – она сильно подпрыгнула и взлетела. Онемев от изумления, Майкл глядел, как она пролетает над ним...</p> <p>Джейн ничего не ответила, с ней вдруг стало твориться что-то странное: тело становилось легче, легче, будто в него вдували воздух, – удивительное и приятное чувство. Ей захотелось смеяться еще громче. Она подпрыгнула и вдруг ощутила, что летит. Майкл вытаращил глаза – его сестра Джейн парила в воздухе.</p>
---	--

Перевод повести о Мэри Поппинс, выполненный Б. Заходером, в целом превышает по количеству форм настоящего исторического перевод М. Литвиновой. Одновременно он содержит и целый комплекс других средств, воздействующих на внимание незрелого читателя (это увеличение средств изобразительности, четкая локализация точки зрения наблюдателя, использование прямой речи вместо косвенной, введение русских идиом в текст и т.д. (Уржа, 2014а)). Аналогичные тенденции проявляются и в переводе цикла повестей К. С. Льюиса «Хроники Нарнии»: так, в широко известном варианте повести «Племянник чародея», предложенном Натальей Трауберг, введение настоящего исторического сопровождается использованием вышеперечисленных приемов (интересно, что этот перевод также считается более свободным по сравнению с вариантом Д. Афиногенова⁵).

Обращаясь к другим жанровым группам, также можно проследить, как формы настоящего исторического в русских переводах работают в «функциональном единстве» со средствами, повышающими эмотивность текста (например, в произведениях с острой социально-психологической проблематикой, таких как «Заводной апельсин» Э. Берджесса, «Суббота» И. Макьюэна и др. (Уржа, 2014б) или активизирующими диалог повествователя с читателем (в образцах иронического повествования – новеллах О. Генри или Дж. К. Джерома (Уржа, 2015)). Выбор переводчиков во всех этих случаях обусловлен стремлением к воссозданию разнообразных прагматических эффектов, в основе которых, по-видимому, лежит одна и та же функциональная роль презентных форм в нарративе, сопряженная с

⁵ Сопоставительный анализ этих вариантов перевода, проведенный участниками спецсеминара А. В. Уржи, размещен на сайте urzha.ru/webinars

выделением информации, с приближением адресата к хронотопу происходящего, с актуализацией повествуемых событий для адресата.

Таким образом, не стремясь заменить традиционный термин «настоящее историческое» более новым или перенести в русскоязычную научную среду термин *dramatic present*, мы тем не менее можем почерпнуть пользу, исследуя существующую терминологическую оппозицию, задумываясь над внутренней формой конкурирующих обозначений. Взгляд на текстовую роль *praesens historicum* сквозь призму переводческих решений, формирующих русскоязычные версии зарубежных произведений, позволяет увидеть «прагматический заряд» настоящего исторического, аккумулирующий, в зависимости от жанра текста, целый ряд функционально близких ему средств в единый комплекс и безотказно «притягивающий» читательское внимание.

Литература

- Arutiunova, N. D. (1981). Factor adresata. In *Izvestia AN SSSR. Seria literatury i jazyka*. 40 (4), 356–367.
- Bjorling, F. (2004). *As time goes by... Tentative notes on present tense narration in contemporary fiction*. In Karin Grelz, Susanna Witt (Eds). *Telling forms. Essays in Honour of Peter Alberg Jensen*. Stockholm.
- Bondarko, A. V. (1971). *Vid i vremena russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)*. Moskva: Prosveshchenie.
- Brinton, L. J. (1992). The historical present in Charlotte Bronte's novels: Some discourse functions. *Style*, 26 (2), 221–244.
- Chvany, C. V. (1990). Verbal Aspect, Discourse Saliency, and the So-called 'Perfect of Result' in Modern Russian. In Nils Thelin (Ed.). *Verbal Aspect in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 213–235. <http://dx.doi.org/10.1075/pbns.5.10chv>
- Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. (1954). Moskva: AN SSSR, II.
- Genette, G. (1998). *Figury*. V 2-h tomah, 2. Moskva: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh.
- Huddleston, R., Pullum, G. K. (2002). *The Cambridge Grammar of the English Language*, Cambridge: CUP.
- Ivanov, S. V. (2001). *Nastojashchee istoricheskoe v sovremenном rusском literaturnom jazyke: grammatika, pragmatika, stilistika*. Dis...kand.philol.nauk. Moskva.
- Maslov, J. S. (1984). *Ocherki po aspektologii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Paducheva, E. V. (2010). K interpretacii vido-vremennyh form v narrativnom rezhime: nastojashchee istoricheskoe. In: Materialy konferencii "Dialog-2010": <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/57.htm> .
- Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovania*. Moskva: Jazyki ruskoj kultury.

- Pentkovskaya, T. V., Urzha, A. V. (2013). Perevodcheskie strategii v drevnih i sovremennyh tekstah: nastojashchee istoricheskoe. *Slavistika*, Belgrad, XVII, 173–180.
- Peshkovsky, A. M. (1927). *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii*. (2 izd.) Moskva: Gosizdat.
- Pinker, S. (2007). *The Stuff of Thought*. New York: Viking.
- Royster, J. F., Thompson, S. (1919). *Guide to Composition*. Chicago: Scott, Foresman and Co.
- Rozental, D. E., Telenkova, M. A. (1976). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov*. Moskva: Prosveshchenie.
- Shakhovskiy, V. I. (2009). *Kategorizacia emocii v lexico-semanticheskoi sisteme jazyka*. Moskva: Editorial URSS.
- Shmelev, D. N. (1960). Abstractnoe i odnositelnoe upotreblenie form vremeni russkogo glagola. *Russkiy jazyk v nacional'noi shkole*, 6, 3–10.
- Shmeleva, T. V. (1984). Smyslovaya organizacia predlozhenia I problema modal'nosti. In: Gorshkova K. V., Klobukov E. V. (Eds.) *Aktual'nye problemy russkogo syntaxisa*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 78–100.
- Urzha, A. V. (2014). Interpretacia perceptivnyh fragmentov v perevode dl'a detei. In: *Russkiy jazyk i kultura v zerkale perevoda*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 479–488.
- Urzha, A. V. (2014). Funkcii vido-vremennyh form v russkih perevodah romana A. Burgess "A Clockwork Orange": nastojashchee dramaticheskoye protiv proshedshego narrativnogo. *Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics*, 1(2), 102–113.
- Urzha, A. V. (2015). Stil' i sintaksis russkih perevodov povesti J.K.Jerome "Three men in a boat (to say nothing of the dog)". In: *Vestnik CMO MGU. Philologia. Culturologia. Pedagogika. Metodika*, 1, 96–102.
- Uspensky, B. A. (1970). *Poetika kompozicii (struktura hudozhestvennogo teksta i tipologia kompozicionnoi formy)*. Moskva: Iskusstvo.
- Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. J. (1998). *Kommunikativnaya grammatika russkogo jazyka*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Praesens Historicum or Dramatic Present? Terminology and Pragmatics of Present Forms in a Translated Narrative

Anastasia Urzha

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, room 962, Leninskije Gory, GSP-1, Moscow, Russia, 119991, aourja@gmail.com

Summary

The article concerns pragmatic effects of the use of praesens historicum in Russian literary translation. The investigation starts with the comparison of rival terms used in the modern scientific discourse, such as “dramatic present” and “you-are-here-illusion”. These nominations draw our attention to the potential of the present form to create a kind of a cinematic ‘close-up’ in a narrative. The comparison of the so-called ‘grammar-based’ and ‘text-based’ scientific interpretations of praesens historicum leads us to the idea that the influence on the reader, grasping the reader’s attention may be viewed as the key pragmatic function of such form in a narrative. Thus, for the following study, traditional focus on the elements that contrast with this transpositional verb form should be moved onto the linguistic means that interact with historical present as a whole functional complex in the text. The comparable material of various Russian translations interpreting the same English original provides us convincing data for such analysis. Several groups of texts, according to genre and target audience, are involved in the study, among them – the adventure literature for children, humorous novels for grown-ups, highly emotional and psychological prose.

The article presents thorough analysis of the texts from the first group, studying Russian translations of ‘The Adventures of Tom Sawyer’ made by K. Chukovskij and N. Daruzes, and ‘Mary Poppins’ interpreted by B. Zakhoder and M. Litvinova. Semantic and grammatical surrounding of praesens historicum forms regularly chosen by some translators is compared to the context of narrative past forms used in other interpretations. Such means as deictic indicators, lexemes with perceptive meaning, emotive and evaluative words increasing subjectivization help to realize the overall dramatizing and foregrounding effect that is inherent to the praesens historicum form in a narration.

Keywords: *praesens historicum, dramatic present, function, pragmatics, translation, comparative analysis.*

Pateikta / Submitted 2015 09 25
Priimta / Accepted 2015 11 06